

Софи Вокко

Уроки удовольствия
от г-жи Мён

18+

Софи Боско

Уроки удовольствия от госпожи Шёпот

<https://litres.ru/74294804>

SelfPub; 2026

Аннотация

Её тело — учебное пособие. Её имя — Госпожа Шёпот. Её ученики — наследники древнейших родов, которые должны научиться дарить удовольствие, чтобы продолжить свой род.

Новые ученики — братья Торнеры. Те самые, чей род уничтожил её семью. Она войдёт в их дом под маской, скрывая запах, происхождение и боль.

Но есть то, что не скрыть. Она — истинная пара для них обоих. И месяц, проведённый вместе, изменит всё.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	38
Глава 5	52
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Уроки удовольствия от госпожи Шёпот

Глава 1

Потолок в этом поместье был расписан вручную.

Я лежала на холодной столешнице из тёмного дуба и считала купидонов на фреске. Третий справа был с отбитым носом. Я уже знала это, потому что смотрела на этот потолок ровно сорок семь минут.

Сорок семь минут терпения.

— Вы почти на месте, — сказала я ровным голосом. — Сместитесь на полпальца левее. И медленнее. Язык — это не клинок, лорд Аргайл. Им не рубят.

Лорд Аргайл, крупный мужчина сорока двух лет с начинающейся сединой на висках, издал невнятный звук, означающий одновременно раздражение и покорность. Он сдвинулся. Попробовал снова.

Я подавила вздох.

Тело моё, послушное и вышколенное, реагировало ровно настолько, насколько это было необходимо для обратной связи. Не больше. Я давно научилась разделять физиологию и удовольствие. Без этого навыка в моей профессии нельзя было выжить или, по крайней мере, нельзя было сохранить рассудок.

В моём деле многое держится на этом разделении. Меня зовут Британи Орхидея Виндхейм, и я — наставница. Мои ученики — драконы из древнейших родов, которым предстоит договорные браки. Их невесты — женщины, которых они, возможно, увидят впервые в день свадьбы. И от того, насколько искусным окажется жених в первую брачную ночь, зависит не только его репутация, но и будущее всего рода.

Потому что в нашем мире всё устроено иначе, чем у людей.

Истинные пары зачинают детей легко — достаточно одного прикосновения, одного поцелуя, одного мгновения, когда кровь откликается на кровь. Но истинные пары — редкость. Договорные же браки, заключаемые ради земель, союзов и влияния, требуют иного. Женщина-дракон должна быть полностью удовлетворена. Не просто ублажена — именно удо-

влетворена, доведена до той вершины, где её тело раскрывается навстречу новой жизни. Без этого зачатие может растянуться на годы. А иногда не случиться вовсе.

Я учу молодых драконов тому, чему их не научил никто. Анатомии. Точкам, где нервные окончания сплетаются в тугие узлы наслаждения. Ритмам, которые заставляют женское тело петь. Терпению, которого так не хватает тем, кто привык брать силой.

Я учу их тому, что женщина — не сосуд, который нужно наполнить, и не поле, которое нужно вспахать. Женщина — это пламя. И если не знать, как раздуть его правильно, оно никогда не даст тепла, достаточного для рождения новой жизни.

Иногда я использую для обучения собственное тело. Это инструмент, такой же, как мои руки, мой голос, мои знания. Ничего больше. Ученики, которые путают учительницу с женщиной, долго у меня не задерживаются.

Лорд Аргайл, к счастью, не путал. Он просто был безнадёжен.

Ещё минута. Две.

— Ниже. Чуть ниже. Видите эту складку? Вот. Теперь круговое движение.

Лорд Аргайл старался. Я видела его пальцы, вцепившиеся в край стола с такой силой, что побелели костяшки. Для мужчины его положения и возраста стоять на коленях перед женщиной, которая моложе его на семь лет, было унижительно. Он справлялся с этим унижением из последних сил.

Но сил этих, как и таланта, ему катастрофически не хватало.

— Я... — Он поднял голову. Лицо его покраснелось, на лбу выступила испарина. — Я, кажется, не в настроении сегодня.

Я перевела на него глаза. Посмотрела на него сверху вниз. Он стоял на коленях между моих разведённых бёдер, и в его глазах читалось такое облегчение, будто я только что помиловала его на плахе.

— Не в настроении, — повторила я без тени улыбки.

— Да. — Он выпрямился, торопливо одёргивая рубашку. — Просто... день тяжёлый. Дома всё сложно. Вы же понимаете.

Я понимала. Понимала, что он не пополнял депозит уже две недели. Понимала, что вместо оплаты полного курса он выторговал у моего секретаря три отдельных «корректирующих занятия» по цене одного. Понимала, что сегодня он даже не пытался сделать то, чему я учила его на прошлом уроке.

Я села на столешнице, не торопясь поправлять нижние юбки. Он отвёл взгляд. Всегда отводил.

— Лорд Аргайл, — сказала я мягко, тем самым тоном, которым говорят с капризными детьми или опасными зверями. — На вашем депозите осталось средств на двадцать минут моего времени. Вы использовали их сегодня полностью. Плюс, как мы помним, у вас остаётся задолженность за прошлую неделю.

Он поморщился, как от зубной боли.

— Я сказал же, на следующей неделе...

— На следующей неделе я буду занята, — перебила я, спуская ноги со стола и находя туфельки. — Крупный заказ. Целый месяц. Так что давайте мы с вами поступим следующим образом: вы пополняете депозит до полной суммы, и я

нахожу для вас окно. Если депозит остаётся пустым — что ж, моя совесть чиста. Я дала вам три шанса.

Я поднялась, разглаживая платье. Лорд Аргайл смотрел на меня с выражением человека, который хочет возразить, но не находит слов. Он был из тех мужчин, которые привыкли получать всё сразу. Мои уроки требовали терпения, смирения и — о ужас — умения слушать женщину.

Для него это было невыносимо.

— В следующий раз, — добавила я, уже у двери, — попробуйте начать с того, о чём я говорила на первом занятии. Не с языка. С губ. С шеи. С того, что выше ключиц. Женщина — это не только то место, куда вы так стремитесь попасть. Женщина — это целиком. И если вы не научитесь чувствовать её всю, то даже самый искусный язык не даст ей того, что нужно.

Он промолчал. Я не ждала ответа.

Карета ждала меня у ворот. Я села, откинулась на подушки, и только тогда позволила себе улыбнуться.

Удовольствия я сегодня не получила. Но получила кое-что другое — чувство завершённости. Ещё один неудавшийся

ся клиент отвалился сам, без скандала, без угроз, без неприятных разговоров о возврате денег. Лорд Аргайл ещё вернётся, когда поймёт, что его молодая жена по-прежнему не беременна, а его тесть начинает поглядывать на него с подозрением. Тогда он приползёт с полным депозитом и будет умолять о новом курсе. Я, возможно, возьму его снова. А возможно, и нет.

За окном кареты тянулись поля. Июньское солнце заливало всё вокруг густым золотом, и воздух был таким сладким, что казалось, его можно пить. Я отодвинула шторку шире, впуская внутрь тепло. Колёса мерно стучали по укатанной дороге, и этот ритм успокаивал, убаюкивал.

Запах ромашек и васильков проникал даже сквозь закрытые окна. Я закрыла глаза, позволяя себе просто быть. Не учительницей. Не Госпожой Шёпот. Не Британи Орхидеей Виндхейм с её безупречной репутацией и опасными тайнами.

Просто женщиной в карете, которая едет домой, но сначала...

— Госпожа, — раздался голос возницы. — Прибыли.

Офисное здание стояло в той части города, где не задава-

ли лишних вопросов. Снаружи — неприметный фасад, кованная решётка на окнах, тяжёлая дубовая дверь. Внутри — изысканная простота: мягкий свет, дорогие обои, ковры, заглушающие шаги. И тишина.

Мой покровитель любил тишину.

— Господин Крейн ждёт вас, — сказал секретарь, низко кланяясь.

Я кивнула и прошла в кабинет.

Лорд Крейн стоял у окна, спиной ко мне. Широкие плечи, идеальный крой сюртука, тёмные волосы, тронутые благородной сединой у висков. Он был альфой из старинного рода оборотней, и в нём чувствовалась та тяжёлая, спокойная сила, которая не нуждается в демонстрации. Когда он обернулся, я встретила его взгляд — тёмный, внимательный, всегда чуть насмешливый.

— Британи, — сказал он, и в его голосе было что-то тёплое, что он позволял себе только со мной. — Как прошло занятие?

— Предсказуемо, — я прошла к креслу, но не села. Стоять было безопаснее. Когда он рядом, садиться — значит

оказываться ниже, уступать высоту, а я не уступаю никому. — Лорд Аргайл продемонстрировал полное отсутствие прогресса и нежелание учиться. Я закрыла его депозит.

Крейн усмехнулся. Он подошёл ближе — так, чтобы между нами оставалось ровно столько пространства, сколько я позволяла.

— Я слышал, у тебя освободился месяц.

— У меня всегда находится месяц, если предложение стоит того.

Он обошёл меня медленным шагом. Я чувствовала его взгляд на своём затылке, на открытых плечах, на изгибе талии. Он не касался. Пока.

— У меня есть для тебя заказ, — сказал он, оказываясь сбоку. — Целый месяц. Оплачен полностью. Аванс уже на твоём счету.

Я вскинула бровь.

— Кто?

— Торнеры.

Моё лицо не изменилось. Я годами училась этому перед зеркалом — не выдавать ни одной эмоции, пока я не решу, стоит ли их выдавать. Но внутри что-то сжалось туго, как пружина.

— Нет, — сказала я ровно.

Крейн остановился напротив меня. Его палец коснулся моего плеча — легчайшее прикосновение, почти случайное. Но я знала, что случайностей он не допускает.

— Они заплатили в три раза больше обычной ставки.

— Я сказала «нет».

Его пальцы скользнули по моей руке, от плеча до локтя. Нежно. Почти ласково. Он умел это делать — касаться так, что хотелось закрыть глаза и податься вперёд, но я не закрывала и не подавалась.

— Британи, — тихо сказал он. — Чёрно-белые драконы. Древнейший род. Молодые наследники, оба готовятся к договорным бракам. Им нужен лучший учитель. Ты — лучшая.

— Я знаю, кто такие Торнеры.

Его рука замерла. Я посмотрела ему в глаза прямо, без страха, без просьбы о пощаде.

— Это их род, Крейн, сделал это. Ты знаешь. Ты всё знаешь.

Он помолчал. А потом его ладонь легла мне на затылок, большая, тёплая, и он чуть склонил голову, глядя на меня сверху вниз с той смесью нежности и твёрдости, от которой у меня всегда сжималось сердце.

— Знаю, — сказал он. — И поэтому предлагаю. Не из жестокости. Из расчёта. Ты сможешь посмотреть им в глаза. Ты сможешь войти в их дом и взять их деньги. А потом ты уйдёшь, и они даже не узнают, кто ты. Разве это не лучшая месть?

Я молчала.

Его пальцы перебирали пряди моих волос, почти машинально, почти лаская.

— Месяц, — сказал он. — Поместье за городом. Никакой лишней прислуги. Ты будешь хозяйкой положения. Они — твои ученики. Два молодых дракона, которые не умеют до-

ставить женщине удовольствие. Ты их научишь, получишь свои деньги и вернёшься. А я буду ждать твоего успеха.

— Ты всегда ждёшь, — сказала я тихо.

— И всегда дожидаюсь.

Он улыбнулся уголком рта, и в этой улыбке было что-то от мальчишки, которого я когда-то знала. До того, как стала Госпожой Шёпот. До того, как потеряла всё.

— Подумай, — сказал он, убирая руку. — Но недолго. Завтра утром карета будет ждать.

Я кивнула, развернулась и вышла, не оглядываясь.

Только в карете, когда колёса снова застучали по мостовой, я позволила себе выдохнуть.

Торнеры.

Род, который когда-то стоял за падением моего дома. Род, чьё имя было выжжено на невидимом клейме, которое я носила под одеждой, там, где никто не видел. И теперь я должна была ехать к ним. В их поместье. Учить их тому, что даст им наследников.

Я коснулась мизинца, где почти невесомое колечко сидело так плотно, что казалось частью кожи. Оно скрывало мою природу. Мой запах, мою кровь. То, что я дракон.

Без него они бы поняли. Учужали бы мгновенно. Бастард из проклятого рода, который они сами же и уничтожили.

Я посмотрела в окно. Поля сменялись городскими улицами, люди спешили по своим делам, солнце клонилось к закату.

— Завтра, — сказала я вслух, пробуя слово на вкус.

Оно было горьким.

И почему-то сладким тоже.

Глава 2

Красный — цвет, который выбирают, когда хотят быть замеченной.

Или когда хотят, чтобы никто не смотрел дальше платья.

Я поправила шляпку перед маленьким зеркальцем в карете. Поля, украшенные алыми розочками, отбрасывали тень на верхнюю половину лица, оставляя на виду лишь губы — нежные, чуть приоткрытые, готовые к первой фразе. Платье сидело идеально: открытые плечи, корсет, приподнимающий грудь, рукавчики до локтя. Насыщенный красный цвет делал мою слегка загорелую кожу ещё более тёплой, почти золотистой. Я выглядела дорого. Выглядела так, как и должна выглядеть женщина, чей месяц работы стоит состояние.

На мизинце, почти незаметное, тончайшее колечко тускло блеснуло в луче утреннего солнца. Я коснулась его кончиками пальцев, проверяя, на месте ли. Всегда на месте.

Рядом на сиденье лежал сложенный лист плотной бумаги. Почерк Крейна я узнала бы из тысячи — аккуратный, чуть наклонный вправо, с изящными завитками на заглавных бук-

вах. Мужчина, который пишет как поэт, и мужчина, который ломает хребты врагам одной лишь волей, — в одном теле. Я взяла лист в руки и перечитала в третий раз.

«Британи,

Напоминаю то, что ты и так знаешь, но я буду спать спокойнее, если напишу. Ты — Госпожа Шёпот. Твоего настоящего имени никто не должен услышать в этом доме. Даже случайно.

Они знают только то, что заказали лучшую наставницу. Её зовут Британи. Без фамилии. Без рода. Без прошлого. Отец мальчиков — лорд Торнер. Именно он вышел на меня. Именно он заплатил деньги. Он будет отсутствовать всё время твоего пребывания в поместье. Это сделано намеренно, чтобы не смущать наследников присутствием старшего. Если что-то пойдёт не так, то уезжай немедленно. Бросай всё и уезжай. У тебя всегда есть место, где спрятаться. Ты знаешь где.

Береги себя. И помни: ты не обязана им ничего, кроме того, за что заплачено.

К.»

Я аккуратно сложила письмо и убрала его в ридикюль для поездок, туда же, где лежало досье. Тонкая папка с краткими сведениями о наследниках рода Торнеров. Я знала их име-

на, возраст, основные характеристики. Знала, что они избалованы, что выросли в роскоши, что женщины для них всегда были доступны и никогда — проблемой. Знала, что они считают себя подарком судьбы для любой невесты.

Знала и то, что ни один из них ни разу в жизни не задумывался о том, что женщина может хотеть чего-то, кроме их имени и положения.

Из досье я также узнала, с кем именно лорд Торнер хочет породнить своих сыновей. Два влиятельных рода, две невесты. На приложенных портретах были изображены драконессы... внушительные. Плечи шире, чем у многих мужчин, фигуры тяжёлые, угловатые, без той плавности линий, которую в нашем мире называют женственностью. Я задержала взгляд на этих лицах, стараясь не позволить себе ни капли жалости.

В мире драконов красивых женщин всегда было мало. Истинная красота, а именно изящество, гибкость, мягкость доставались либо тем, кто рождался в счастливом сочетании крови, либо бастардам вроде меня. В этом было нечто горькое и несправедливое, но я давно перестала искать справедливость там, где её не было.

Интересно, что лорд Торнер, когда-то имевший истинную пару, знал, что такое настоящая любовь. Знал, как это — ко-

гда тело откликается на тело без всяких уроков. И теперь отдавал своих сыновей в руки некрасивых, неуклюжих женщин, потому что так требовали союзы.

Я не осуждала. Я просто принимала работу.

Карета выехала на просёлочную дорогу, и я отодвинула шторку шире.

Утро было летним, прозрачным, таким, когда солнце ещё не жжёт, а только золотит всё вокруг мягким светом. Поля тянулись бесконечно — ромашки, васильки, клевер, колосающиеся трава. Воздух, врывающийся в открытое окно, пах мёдом и пылью. Где-то вдалеке заливался жаворонок, и этот звук был единственным, кроме мерного стука копыт и скрипа колёс.

Поместье Торнеров открылось не сразу. Сначала появилась длинная аллея из старых лип, чьи кроны смыкались высоко над головой, создавая зелёный туннель. Потом — кованые ворота с гербом: два дракона, чёрный и белый, переплетённые в полёте, их пасти раскрыты в безмолвном рыке. Потом — подъездная дорога, выложенная светлым камнем, и наконец — сам дом.

Он был красивым той особенной красотой, которая бы-

вает только у старых усадеб. Два этажа, строгие линии, высокие окна с мелкими переплётками. Камень, из которого он был сложен, за десятилетия приобрёл тёплый, медовый оттенок. Плющ вился по стенам, местами закрывая окна второго этажа. А над всем этим возвышалась мансарда — третьим, почти незаметным с первого взгляда уровнем, с маленькими окошками, выглядывающими из-под черепичной крыши.

Там, в мансарде, как мне сообщили, будут жить братья.

Я, по условиям договора, размещусь в отдельном крыле. Достаточно близко, чтобы они могли меня найти. Достаточно далеко, чтобы они помнили: я не прислуга и не гостя. Я — учитель.

Карета остановилась у главного входа. Возница спрыгнул с козел, открыл дверцу. Я взяла свою ношу, поправила шляпку и ступила на светлый камень подъездной дорожки.

Здесь было тихо. Слишком тихо для дома, где живут два молодых дракона.

Я поднялась на крыльцо, взялась за тяжёлое кольцо дверного молотка. Ударила. Звук разнёсся по фасаду, уходя вглубь дома.

Дверь открыла пожилая экономка, лицо которой не выражало ровным счётом ничего.

— Госпожа Британи? — спросила она тихо.

— Да.

— Вас ждут. Проходите.

--Они ждали меня на втором этаже, в комнате, которую, видимо, предполагалось использовать как гостиную.

Я вошла, и первое, что я увидела, это были спины. Два высоких, статных мужских силуэта у окна. Один в тёмно-синем костюме, второй — в чёрном. Белые платки, повязанные вместо галстуков, одинаковые удлинённые волосы — чёрные и белые.

Они обернулись одновременно.

Блэк — тот, что с чёрными волосами, — смотрел с любопытством, в котором угадывалась мягкость. Его коричневые глаза скользнули по моему лицу, по платью, по шляпке, и он чуть приподнял бровь, словно оценивая.

Уайт — беловолосый, с серо-голубыми глазами — смот-

рел иначе. В его взгляде было раздражение. Скука. И лёгкое презрение, которое он даже не пытался скрыть.

— Госпожа Британи? — спросил Уайт. Его голос был ровным, холодным.

— Именно, — сказала я, оставляя дверь открытой. Сумку я не выпускала из рук. — Мне сказали, вы ждёте меня.

— Нас ждут невесты, — отрезал Уайт. — Вы — лишь формальность.

Блэк издал негромкий звук, похожий на усмешку, но промолчал.

Я улыбнулась. Той улыбкой, которую надевала, когда ученик был слишком самоуверен, чтобы учиться, и слишком глуп, чтобы это понимать.

— Формальность, — повторила я. — Хорошо. Тогда я, как формальность, пройду в отведённое мне крыло и отдохну с дороги. А вы, лорд Уайт, можете прямо сегодня попробовать произвести на свою невесту впечатление своей... харизмой. Посмотрим, как быстро она забеременеет.

Он побледнел. Не от страха — от злости.

— Как вы смеете...

— Я смею, потому что ваш отец заплатил мне сумму, на которую можно купить небольшую усадьбу, — перебила я спокойно. — И он заплатил её не за мои любезности, а за результат. Если вы не хотите результата — скажите сейчас. Я верну аванс и уеду. А вы объясните отцу, почему его наследники так и не появятся на свет.

Тишина повисла в комнате, густая, как мёд.

Блэк, наконец, подал голос. Мягче, чем брат, с ноткой примирения:

— Мы, конечно, хотим результата. Просто... мы не привыкли, чтобы с нами так разговаривали.

Я перевела взгляд на него.

— Привыкнете, — сказала я. — За месяц.

Развернулась и вышла, не оглядываясь. Для начала надо поговорить с перевозчиком, а потом — отдых.

---В отдельном крыле меня уже ждала комната: свежее бе-

льё, открытое окно, ваза с ромашками на столике. Я поставила сумку, сняла шляпку, провела рукой по волосам.

Первый шаг сделан. Они знают, кто здесь главная.

Теперь осталось продержаться месяц. Не сорвать кольцо. Не дать им учуять мой запах. Не позволить себе забыть, кто они и кто я.

Я подошла к окну. Поля уходили к горизонту, всё в цветах и травах. Где-то там, за холмами, остался мой дом. Мой покровитель. Моя безопасная, выстроенная по кирпичику жизнь.

А здесь — два дракона, которые даже не подозревают, что их учительница носит клеймо на теле и проклятую кровь в жилах.

Здесь — два дракона, которые не знают, что она — их истинная пара.

Я коснулась колечка на мизинце.

— Месяц, — прошептала я. — Ничего страшного.

В окно влетел ветер, колыхнув занавески, и принёс с по-

лей запах ромашек.

Глава 3

— Ты видел её? — спросил я, когда дверь за ней закрылась.

Блэк стоял у окна и смотрел, как по подъездной дорожке удаляется красное платье. Он не обернулся.

— Видел, — сказал он.

— И что ты думаешь?

Он помолчал. Я знал эту его манеру — делать паузу, когда не хочет говорить правду. Или когда правда слишком сложная, чтобы облечь её в слова.

— У неё красивый голос, — наконец сказал Блэк. — Спокойный и уверенный.

— Голос, — фыркнул я. — Ты о деле думай. Отец сказал, она лучшая. А она приехала и с порога начала указывать.

— Она права, — Блэк наконец повернулся. Его коричневые глаза смотрели на меня без обычной мягкости. В них

было что-то, чего я не сразу распознал. — Мы не привыкли, чтобы нам указывали. Может, это то, что нужно.

— То, что нужно, — это чтобы наши жёны поскорее за-летели, — отрезал я. — А не чтобы какая-то... наставница учила меня, как к ним прикасаться.

Блэк усмехнулся. Негромко, почти про себя.

— Ты вообще видел портреты наших невест?

Я промолчал. Видел. И не хотел об этом думать. Одна из них — широкоплечая, с тяжёлой челюстью и маленькими, глубоко посаженными глазами. Вторая — высокая, худая, угловатая, с руками, больше похожими на мужские ладони.

Ни одна из них не была похожа на ту, что только что вышла из этой комнаты.

Красное платье, открытые плечи, тонкая талия. Волосы ниже лопаток, с лёгким рыжеватым отливом. Лицо — острое, лисье, с большими зелёными глазами, которые смотрели на меня так, будто читали меня, как открытую книгу.

Я чувствовал себя мальчишкой под этим взглядом. И это бесило.

Но бесило не только это.

Когда она вошла, я ощутил что-то странное. Не запах — нет, она не пахла почти ничем, только лёгкими цветочными духами. Но что-то другое. Как будто в груди что-то дёрнулось, когда она ступила на порог. Как будто тело знало то, что разум отказывался признавать.

Я отогнал это ощущение. Слишком быстро, слишком резко, как отгоняют назойливое насекомое.

— Невесты тут ни при чём, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Отец выбрал их. Значит, так надо.

— Надо, — согласился Блэк. Он прошёл к креслу, сел, вытянув длинные ноги. — Но он же выбрал и её. Значит, она умеет то, чего не умеем мы.

— Мы умеем всё, что нужно.

— Правда? — Блэк поднял бровь. В его голосе прозвучала та лёгкая насмешка, которая появлялась у него только со мной. — А когда ты в последний раз доводил женщину до оргазма?

Я открыл рот, чтобы ответить, и закрыл.

Потому что ответа не было. Вернее, ответ был, но он не годился. Да, у меня были женщины. Много. Они приходили сами, потому что я был старший сын Торнеров, потому что у меня были деньги и имя. Но чтобы я заботился об их удовольствии? Зачем? Они и так были довольны — возможностью быть рядом, возможностью потом рассказать подругам, что были с наследником чёрно-белых драконов.

— Вот именно, — сказал Блэк, читая моё молчание. — Мы умеем брать. Нас учили брать. Но отдавать? Этому нас никто не учил.

— А она научит?

— Говорят, она лучшая.

— Кто говорит? Отец? Он бы заплатил кому угодно, лишь бы мы не опозорились.

Блэк покачал головой, но спорить не стал. Он редко спорил со мной. Младший брат, мягкий, уступчивый, всегда готовый промолчать, чтобы сохранить мир. Иногда я думал, что это маска. Иногда, что это и есть настоящий Блэк.

Я отошёл от окна, прошёлся по комнате, пытаюсь избавиться от ощущения, которое не отпускало.

Странное чувство. Когда она вошла, мне показалось, что воздух стал другим. Плотнее. Горячее. И это при том, что она даже не смотрела на меня — смотрела на нас обоих, но как-то... сквозь? Или внутрь?

Я не знал, как это объяснить. И не хотел объяснять.

— Ты заметил? — вдруг спросил Блэк.

Я остановился.

— Что?

Он помедлил, подбирая слова. Я видел, как он нервничает — верный признак того, что он собирается сказать что-то, чего говорить не стоит.

— Когда она вошла, — сказал Блэк медленно. — У меня... мурашки пошли. По спине. Такое чувство, будто... не знаю. Будто я её уже знаю, хотя никогда не видел.

Сердце стукнуло раз, другой. Значит, не только у меня.

— Глупости, — отрезал я. — Она просто... эффектная. Красное платье, открытые плечи. Вот и всё. На то и расчёт.

— Ты думаешь?

— Уверен.

Блэк посмотрел на меня с той своей мягкой, почти жалостливой улыбкой, которая появлялась, когда он видел меня насквозь.

— А у тебя? — спросил он. — Тоже просто эффектное платье?

Я хотел сказать «да». Хотел рассмеяться, похлопать его по плечу, сказать, что он слишком впечатлительный, что женщина в красном всегда производит впечатление, что это всего лишь профессиональный трюк.

Но вместо этого я услышал свой голос:

— Не знаю.

Блэк не стал давить. Он только кивнул, как будто услышал то, что хотел.

— Она старше, — сказал он, меняя тему. — Лет на десять, наверное.

— Какая разница?

— Никакой. Просто заметил. Взгляд у неё такой... усталый, что ли. Или опытный. Не как у тех, кого мы обычно приглашаем для утех.

Я вспомнил её глаза. Зелёные, светлые, с прищуром, который делал её похожей на лису. В них действительно было что-то, чего я не видел у молодых девиц, которых нам представляли на балах. Не усталость даже — глубина. Как будто она успела прожить несколько жизней, пока мы только учились летать.

— Ей, наверное, под тридцать пять, — сказал я, стараясь, чтобы это прозвучало равнодушно. — Для нас — старая.

— Старая, — повторил Блэк, и в его голосе прозвучало что-то, что мне не понравилось.

— Прекрати.

— Что?

— Смотреть так.

— Как?

— Как будто она тебя зацепила.

Блэк рассмеялся. Открыто, легко, как умел только он.

— А тебя разве нет?

Я промолчал. Потому что правда была слишком неприятной.

Она зацепила. Зацепила с первого взгляда, с первого слова, с того мгновения, когда её зелёные глаза встретились с моими. И это было неправильно. Это было глупо. Это было, я чувствовал, опасно.

— Она просто учительница, — сказал я твёрдо. — Старше нас. Опытнее. И ей заплатили, чтобы она научила нас одному делу. Всё.

— Всё, — эхом отозвался Блэк.

— И я не собираюсь пялиться на неё, как щенок на кость.

— Конечно, не собираешься.

— И тебе не советую.

— Я понял.

Он поднялся с кресла, подошёл к окну, встал у правого. Я остался у левого. Внизу, в конце подъездной дорожки, всё ещё мелькало красное пятно. Карета уже собиралась отправляться обратно. Британи же стояла рядом, что-то говорила вознице, и ветер трепал поля её шляпки.

Она казалась маленькой отсюда, с высоты второго этажа. Хрупкой. Нежной.

И в то же время — неуязвимой.

Я смотрел на неё, и странное чувство в груди не проходило. Более того — оно усиливалось. Какая-то тяга, которой я не мог объяснить. Не желание — желание было бы понятно. Желание я знал. Это было что-то другое. Более глубокое, более древнее. Что-то, что шевелилось в крови и заставляло ноздри раздуваться в поисках запаха, которого не было.

— Странная женщина, — сказал Блэк тихо. — Ты чувствуешь? Что-то...

— Ничего я не чувствую, — перебил я слишком быстро.

Блэк не ответил. Но я видел его руку, лежащую на подоконнике. Пальцы чуть дрожали.

У меня тоже дрожали.

Она подняла голову.

Я не знаю, что она увидела — два силуэта на фоне стёкол, два лица, похожих и разных. Но она посмотрела прямо на нас. На мгновение мне показалось, что она улыбнулась.

А потом она отвернулась и шагнула в тень крыла, которое принадлежало ей.

Я выдохнул. Только сейчас понял, что задерживал дыхание.

— Завтра, — сказал Блэк, — наверное, начнутся занятия.

— Посмотрим, — бросил я.

— Ты будешь сопротивляться?

Я не ответил. Смотрел туда, где скрылась красная точка, и чувствовал, как внутри поднимается что-то, чему я не мог дать имя.

Внизу, в её крыле, хлопнула дверь.

И я понял, что всё ещё не могу выровнять дыхание.

Глава 4

Я разбирала вещи, когда в дверь постучали.

Негромко, почти неслышно, так стучат только те, кто привык оставаться в тени. Я отложила стопку белья, поправила платье и сказала:

— Войдите.

Экономка стояла на пороге с идеально прямой спиной. Руки сложены перед собой, взгляд чуть в сторону, как положено прислуге в присутствии гостя.

— Госпожа Британи, — сказала она тихо. — Господа ожидают вас к обеду. Стол накрыт в главной столовой.

Я замерла на секунду, потом продолжила раскладывать вещи, давая себе паузу, чтобы ответить ровно.

— Я не питаюсь вместе с учениками, — сказала я, не глядя на неё. — Передайте, что я благодарю за приглашение, но предпочту, чтобы обед принесли сюда. В восточное крыло.

Экономка не изменилась в лице. Ни тени удивления, ни тени осуждения. Только лёгкий кивок.

— Хорошо, госпожа. Я распоряжусь.

Она вышла так же бесшумно, как и вошла. Дверь закрылась за ней с едва слышным щелчком.

Я выдохнула, позволив себе расслабить плечи.

Никаких совместных обедов. Никаких лишних контактов. Я знала это правило с первого дня своей работы: дистанция — всё. Как только ученики начинают видеть в тебе человека, а не учителя, — всё, обучение превращается в хаос. Особенно когда ученики — молодые самцы, привыкшие получать всё, что хотят.

Я сняла шляпку, аккуратно положила её на туалетный столик. Розочки на полях чуть помялись в дороге — потом поправлю. Пальцы потянулись к шпилькам, и я, освобождая волосы, позволила себе ещё один выдох, более глубокий.

Волосы тяжело упали на плечи, рассыпались по спине, закрыли лицо. Я провела рукой по ним, распутывая пряди, и на мгновение закрыла глаза.

В комнате было тихо. Летнее солнце лилось в окна, заливая всё тёплым, мёдовым светом. Где-то далеко, за полями, заливалась птица. Здесь, в восточном крыле, было спокойно. Безопасно.

Я почти поверила в эту безопасность.

Грохот разнёсся по коридору внезапно, как удар грома в ясном небе.

Я вздрогнула. Что-то тяжёлое — ваза? стул? — встретилось с полом и разлетелось вдребезги. Звук был настолько резким, что я инстинктивно сделала шаг назад, к окну, хотя разум уже подсказывал: это не опасно. Это просто дракон. Просто молодой, избалованный дракон, который не привык слышать слово «нет».

Шаги, тяжёлые, злобные, сотрясали пол с каждой секундой всё ближе. Бух. Бух. Бух. Кто-то шёл по коридору восточного крыла, не скрывая ярости.

Я не успела даже поправить волосы.

Дверь распахнулась без стука — с такой силой, что ручка ударилась в стену и оставила там вмятину.

Уайт Торнер стоял на пороге.

Вблизи он казался ещё более внушительным, чем при первой встрече. Высокий, широкоплечий, весь в чёрном. Белый платок на шее сбился набок, рубашка под сюртуком была расстёгнута на верхнюю пуговицу, обнажая шею и ключицы. Волосы, белые как снег, растрепались, и пряди падали на лицо, делая его почти диким.

Он смотрел на меня.

Нет — не так. Он смотрел сквозь меня, в меня, внутрь меня. Серо-голубые глаза, которые при первой встрече казались просто холодными, сейчас горели. В них было что-то, чего я не смогла распознать сразу. Ярость? Да. Но не только.

Что-то ещё. Более глубокое. Более тёмное.

— Вы, — выдохнул он.

Его голос был низким, с хрипотцой, будто он только что кричал или бежал. Или и то, и другое.

Я стояла напротив него, с распущенными волосами, без шляпки, без привычной брони собранной причёски и полей, скрывающих лицо. Я чувствовала себя обнажённой — и это

было опасно. Очень опасно.

— Господин Уайт, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Вы, кажется, сломали что-то в коридоре.

Он не обратил внимания на мои слова. Шагнул в комнату, и мне пришлось сделать шаг назад, чтобы сохранить между нами расстояние. Он этого даже не заметил. Или заметил — и его это только раззадорило.

— Я приказал, — сказал он, выделяя каждое слово, — чтобы вы спустились к обеду.

— А я ответила, что не питаюсь с учениками, — сказала я ровно.

— Вы будете есть там, где я скажу.

— Нет.

Он остановился. На расстоянии вытянутой руки от меня. Я чувствовала его жар — драконы всегда горячее людей, а этот, кажется, кипел изнутри.

— Послушайте, — сказал он, и в голосе его вдруг прорезалось что-то, чего я не ожидала. Не приказ. Почти мольба.

Или нет — не мольба. Требование, облечённое в форму, которую он, видимо, считал вежливостью. — Вы в моём доме. Моём. И я хочу, чтобы вы были за общим столом.

— Зачем? — спросила я тихо. Его требование меня удивило.

Он не ответил. Но я видела, как что-то мелькнуло в его глазах. Растерянность? Сожаление? Нет. Уайт Торнер не из тех, кто сожалеет.

И вдруг его взгляд изменился.

Я заметила это мгновенно, потому что всю жизнь училась замечать. Его ноздри дрогнули. Шевельнулись, как у зверя, который учуял след. Он почти судорожно втянул воздух, и его глаза, эти серо-голубые льдины, сузились.

Он смотрел на меня. Не на лицо, не на фигуру, а именно на меня. На что-то во мне, чего он не мог понять.

— Что... — начал он и замолчал.

Он сделал шаг вперёд. Я — назад. Моя лопатка упёрлась в косяк окна, и я поняла, что дальше отступать некуда.

Он навис надо мной. Близко. Слишком близко. Я чувствовала его дыхание на своих волосах, видела, как его пальцы сжимаются и разжимаются, будто он с трудом удерживает себя от того, чтобы коснуться.

Его ноздри снова дрогнули.

Сердце моё ухнуло вниз.

Он чувствует. Чувствует что-то. Не запах — кольцо блокирует запах, я знаю, я проверяла сотни раз. Но что-то другое. Более тонкое. То, что не скроешь никаким артефактом.

— Господин Уайт, — сказала я, и голос мой прозвучал твёрже, чем я себя чувствовала. — Вы слишком близко.

Он не отступил.

— Кто вы такая? — спросил он хрипло. Вопрос прозвучал не как оскорбление. Как признание. Как страх, которого он сам не понимал.

— Я ваша наставница, — сказала я. — И я прошу вас отступить.

Он смотрел на меня. Секунду. Две. Я видела, как в его

глазах борются ярость и что-то другое — то, чему он не давал имени, что пугало его больше, чем любой враг.

Потом его взгляд упал на мои волосы. Распущенные, закрывающие плечи, падающие на лицо. Он смотрел на них так, будто видел нечто невероятное.

— Ваши волосы, — сказал он. Голос сел.

— Что с ними?

Он протянул руку. Я едва удержалась, чтобы не отшатнуться. Его пальцы замерли перед моим лицом, не касаясь, но так близко, что я чувствовала тепло.

Он не должен прикасаться. Не должен.

— Вы должны быть с нами за столом, — повторил он.

Я сделала то, что умела лучше всего. Я взяла себя в руки.

— Хорошо, — сказала я, и мой голос прозвучал так, будто я только что приняла решение, а не спасала свою кожу. — Я сейчас спущусь. Идите, господин Уайт.

Он не двинулся.

— Я спущусь, — повторила я, глядя ему прямо в глаза.
— Через пять минут. Идите.

Его рука опустилась. Он отступил на шаг. Потом ещё на один. Взгляд его всё ещё был тяжёлым, всё ещё ищущим, но ярость или то, что я принимала за ярость, ушла, оставив что-то более опасное.

Он развернулся и вышел. Дверью не хлопнул, а просто ее закрыл. Но я слышала, как его шаги удалялись по коридору, и в них уже не было злобы. Только сбитый, неровный ритм человека, который не понимает, что с ним происходит.

Я прислонилась спиной к стене, прижала ладонь к груди, чувствуя, как бешено колотится сердце.

Кольцо на мизинце было на месте. Я проверила. На месте. Запах скрыт. Но он что-то почувствовал. Что-то, что заставило его ноздри раздуваться, а глаза темнеть.

Я посмотрела на себя в зеркало. Распущенные волосы, покрасневшее лицо, расширенные зрачки. Я выглядела... не как учительница.

Я выглядела как женщина, которую только что чуть не

узнали.

Я быстро собрала волосы, но не так, как утром. Не в сложную причёску с заколками и шпильками. Я сделала низкий, строгий пучок — деловой, собранный, ничего лишнего. А потом подошла к гардеробу и достала другое платье.

То, в котором я работала.

Оно было темно-вишнёвым, почти бордовым, плотного шёлка, с длинными рукавами и высоким воротом, но спереди — до середины груди — шёл аккуратный ряд маленьких перламутровых пуговиц. Их можно было расстегнуть одной рукой, быстро, без лишних движений. Корсет под ним был мягче, не стеснял движений. Юбка была уже, чтобы не мешалась, когда нужно стоять близко к ученику или наклоняться над ним.

Это было платье учителя. В нём я не была гостьей, не была женщиной. Я была профессионалом.

Я поправила ворот, провела ладонью по гладкой ткани, проверяя, ничего ли не торчит, не перекручено. Кольцо на мизинце блеснуло в свете лампы.

Всё. Я готова.

Я вышла из комнаты и направилась в главную столовую.

Дверь туда была открыта.

Я вошла медленно, позволяя им рассмотреть меня и оценить.

Уайт стоял у окна, всё ещё с растрёпанными волосами, всё ещё с тем странным, горячечным блеском в глазах. Когда я переступила порог, его взгляд упал на меня и замер. Я видела, как он скользнул по тёмно-вишнёвой ткани, по высокому вороту, по строгому пучку. Я видела, как изменилось его лицо. Ярость ушла. Осталась только настороженность и что-то ещё, чему он явно не хотел давать имени.

Блэк сидел за столом, но при моём появлении поднялся. Его коричневые глаза прошли по мне с мягким, почти робким любопытством, которое я заметила ещё утром. Он смотрел иначе, чем брат. Он смотрел с интересом, с чем-то, что могло бы быть восхищением, если бы я позволила себе такое прочитать.

Я прошла к столу. Села. Не во главе — слишком вызывающе. Не с краю — слишком унижительно. Напротив пустующего места отца.

— Я передумала, — сказала я спокойно, разворачивая салфетку и кладя её на колени. — Но не ради обеда.

Уайт не сел. Он смотрел на меня, и его ноздри снова чуть дрогнули.

— А ради чего же? — спросил он.

Я подняла на него глаза. Посмотрела ровно, без вызова, но и без уступки.

— Сегодня вечером мы начинаем занятия, — сказала я. — У вас было время подумать. Теперь — работа. Так что да, я составлю вам компанию за обедом. Но не потому, что вы приказали. А потому, что нам нужно поесть перед первым уроком.

Тишина повисла над столом. Блэк улыбнулся — легко, чуть смущённо, и в его улыбке мелькнуло что-то вроде предвкушения.

— Сегодня? — переспросил он.

— Сегодня, — подтвердила я. — Не будем терять время. Ваш отец заплатил за месяц. Каждый день важен.

Уайт всё ещё не садился. Он стоял, опираясь рукой о подоконник, и его пальцы слегка, нервно и ритмично постукивали по камню.

— И что же будет на первом уроке? — спросил он. Голос его звучал ровно, но я чувствовала напряжение, которое скручивало его изнутри.

— Анатомия, — сказала я, берясь за приборы. — Основы. Где, что и как работает. Без этого дальнейшее обучение бессмысленно.

— Анатомия, — повторил Уайт, и в его голосе проскользнула насмешка. — Мы знаем анатомию.

Я отрезала кусочек мяса, поднесла ко рту, прожевала. Не торопилась с ответом. Пусть поволнуется.

— Вы знаете, где находится сердце, — сказала я наконец. — И где печень. Но знаете ли вы, где у женщины находится точка, от которой её ноги подгибаются сами собой? Где нервное окончание, которое заставляет её выгибаться, как лук, если нажать правильно? Знаете ли вы, почему одни движения дарят наслаждение, а другие — только боль?

Я отложила вилку. Посмотрела на обоих.

— Я вас научу. Но сначала вы должны признать, что ничего не знаете.

Блэк опустил глаза. Уайт сжал челюсть.

Я взяла бокал с водой, сделала глоток.

— У вас есть час, — сказала я. — Потом жду вас в зале на втором этаже. Том, что с роялем и доской. Приходите в том, в чём вам удобно двигаться. Сюртуки снимите.

Я поднялась, положила салфетку на стол.

— Приятного аппетита, господа.

И вышла, не оглядываясь.

Но на пороге я услышала, как Блэк тихо сказал брату:

— Ну что, Уайт. Похоже, учёба начинается.

Уайт не ответил.

Но я знала, что они приедут.

Глава 5

Зал на втором этаже оказался именно таким, как я и предполагала. Он был просторным, с высокими потолками и старым паркетом, исцарапанным сотнями ног. Когда-то здесь, судя по всему, проводили балы или, возможно, уроки танцев. Вдоль одной из стен стоял рояль, а в противоположном конце висели две тяжелые груши для тренировки ударов. Значит, и фехтовали здесь скорее всего и занимались тренировками. Интересный зал.

Я вошла с тяжелой дорожной сумкой в руке, поставила её на стул и принялась разбирать содержимое.

Плакаты на обучение я брала с собой всегда. Сейчас они были свёрнутые в тугой рулон, перевязанный кожаны́м ремешком. Доставать их в карете было нельзя — могли помяться, а я не любила работать с неаккуратными материалами. Здесь, в этом зале, с высокими окнами и хорошим светом, они будут видны как на ладони.

Я развесила их на доске, той самой, что стояла у стены, видимо, предназначенной для записей мелом. Плакаты были выполнены вручную, заказанные у лучшего медицинского

иллюстратора столицы. Каждый нерв, каждая складка, каждая точка, имеющая значение, были прорисованы с анатомической точностью, но без той клинической сухости, которая могла бы отпугнуть учеников. И всё же — подробностей на них хватало.

Братья уже ждали.

Они сидели на стульях, поставленных полукругом перед доской. Сюртуки были сняты, как я и просила. Уайт остался в чёрной жилетке и белой рубашке с закатанными рукавами, открывающими сильные предплечья. Блэк — в тёмно-синей жилетке, более мягкой, более спокойной по цвету.

Когда я разворачивала первый плакат и крепила его кнопками к доске, я краем глаза следила за их реакцией.

Первый плакат — внешнее строение. Крупно, подробно, с цветовой дифференциацией зон чувствительности.

Рты у обоих приоткрылись.

Уайт — первым. Блэк — секундой позже. Они смотрели на изображение так, будто видели нечто неприличное, хотя это была чистая анатомия, без капли эротики. Просто схема. Просто тело.

Потом их лица скривились.

Уайт отвернулся первым, демонстративно, будто я показывала ему порнографию. Блэк же просто опустил глаза, но я заметила, как заалели кончики его ушей.

Я не удержалась от лёгкой, едва заметной улыбки.

Мне нравилось это. Нравилось видеть их озадаченность, их смущение, их неловкость. Эти двое, привыкшие брать женщин без спроса, без подготовки, без необходимости что-либо знать, сейчас сидели перед картинкой женского тела и не знали, куда девать глаза.

Их отец заплатил мне не за то, чтобы я щадила их чувства. Он заплатил мне за результат.

А результат начинается с того, что они признают: они ничего не знают.

Я развесила второй плакат. Внутреннее строение — вид сбоку, в разрезе. Каналы, изгибы, точки, где нервные окончания сплетаются в тугие узлы, способные подарить женщине то, ради чего, собственно, всё и затевается.

— Я вижу, вам не нравится, — сказала я, поворачиваясь к ним.

Уайт скрестил руки на груди.

— Это... — он запнулся, подбирая слово, и выдавил: — Неприлично.

— Это анатомия, — ответила я. — Ваши невесты устроены именно так. Внутри. Каждая складка, каждый миллиметр имеют значение. Если вы не будете знать, куда и как прикасаться, вы никогда не дадите им того удовольствия, которое необходимо для зачатия.

Блэк поднял глаза. В его коричневых зрачках я прочитала не столько смущение, сколько... любопытство.

— И всё это... — он кивнул на плакат, — есть у каждой?

— У каждой, — подтвердила я. — Внешность может быть разной — широкие плечи, узкие бёдра, угловатые фигуры, как у ваших невест. Но внутри они устроены одинаково. И чувствуют одинаково.

Я подошла к доске ближе, взяла указку — тонкую деревянную палочку, которую тоже везла с собой.

— Смотрите сюда, — я коснулась первого плаката, внешнего. — Эта точка, здесь, называется...

Я начала объяснять. Говорила спокойно, ровно, как говорила сотни раз. Где какие нервные окончания расположены, как они реагируют на давление, на тепло, на влажность. Почему круговые движения работают лучше, чем возвратно-поступательные, на ранних этапах. Почему спешка — враг удовольствия.

Они слушали. Уайт — с каменным лицом, но я видела, что он не пропускает ни слова. Блэк — с открытым интересом, иногда кивая, иногда чуть хмурясь, когда я касалась особенно деликатных тем.

Но не только это я замечала.

Когда я поворачивалась к плакатам, водя указкой по линиям, я чувствовала их взгляды не на плакатах, а на себе. На том, как я стою, как двигаюсь, как наклоняюсь, указывая на детали.

Я проверила кольцо на мизинце. Оно было на месте. Тоненькое, почти невидимое, оно сидело плотно, как влитое. Запах скрыт. Всё в порядке.

Но их ноздри... Я заметила это ещё когда вошла. Они приплюхивались. Не постоянно, не явно, но короткие, почти незаметные движения крыльев носа, когда я приближалась или проходила мимо, я видела.

Уайт делал это чаще. Блэк — более сдержанно, но все равно заметно.

Странно. Очень странно.

Кольцо блокировало запах моей крови, моего рода, моего клейма. Они не могли меня учуять. И всё же они что-то чувствовали. Что-то, что заставляло их следить за мной, когда я отворачивалась. Что-то, что делало их взгляды тяжелее, чем следовало бы.

Я поймала себя на мысли, что вижу больше, чем должна.

Уайт сидел, широко расставив ноги, положив руки на колени. Но его пальцы были сжаты в кулаки. Я видела эту позу у мужчин, которые пытаются скрыть то, что происходит с их телом. Напряжение в бёдрах, чуть учащённое дыхание, расширенные зрачки.

Он был возбуждён.

Я перевела взгляд на Блэка. Тот сидел тише, спокойнее, но его глаза... В них было что-то, чего я не видела утром. Тёмное, тягучее, жадное. Он смотрел на мои губы, когда я говорила. На мои пальцы, когда я водила указкой. На мою шею, когда я поворачивалась к доске.

Я почувствовала, как внутри что-то ёкнуло. Не страх. Не радость. Что-то другое, более древнее, более опасное — то, что я не позволяла себе чувствовать уже много лет.

Я подавила это.

— Итак, — сказала я, отходя от доски и вставая так, чтобы между мной и ними было расстояние. — Вопросы?

Уайт молчал. Блэк поднял руку, как школьник. Я кивнула.

— Вы сказали, что их внутреннее строение такое же, как у... — он запнулся, — как у всех.

— Да.

— А внешнее? — спросил он. — То, что мы видим. Оно влияет на... на процесс?

Я поняла, о чём он спрашивает. Их невесты были некрасивы. Они боялись, что не смогут захотеть их. А без желания, как я уже говорила, полноценного удовольствия не будет.

— Влияет, — сказала я честно. — Но не так, как вы думаете. Ваше тело откликается не на красоту лица. Оно откликается на тепло, на звуки, на запахи, на прикосновения. Если вы научитесь слышать её тело, ваше собственное забудет о том, как она выглядит.

Уайт хмыкнул. Скептически.

— Легко сказать.

— Я не обещаю лёгкости, — ответила я. — Я обещаю результат.

Я подошла к плакату внутреннего строения, постучала указкой по точке, которая была самой важной.

— Это то место, где начинается самое глубокое удовольствие. Не снаружи. Внутри. И добраться до него можно только...

Дверь зала скрипнула. Я обернулась.

Никого. Сквозняк.

Но когда я повернулась обратно к доске, я заметила, как Уайт переменил позу. Он откинулся на спинку стула, положив ногу на ногу. Так, чтобы скрыть то, что я и так уже видела.

Я сделала вид, что не заметила.

— На сегодня достаточно теории, — сказала я. — Завтра перейдём к практике.

Я уже потянулась к первому плакату, чтобы снять его с доски, когда услышала голос Уайта.

— Не так быстро.

Я обернулась. Он сидел, откинувшись на спинку стула. Его поза была слишком демонстративной, слишком нарочитой. Он хотел показать, что ему скучно. Что он выше этого.

— Что-то не так, лорд Уайт? — спросила я спокойно.

— Всё это, — он кивнул на плакаты, — теория. Бумага. Красивые картинки.

— Анатомически точные картинки.

— Не спорю. — Он пожал плечами, и в этом движении было столько надменности, что мне захотелось стереть её с его лица. — Но я видел, как женщины кончают. И без всех этих ваших... нервных окончаний, точек и круговых движений.

Я замерла. Медленно повернулась к нему лицом.

— Видели?

— Конечно. — Он усмехнулся. — Не все такие холодные, как вы, наставница.

Блэк издал предостерегающий звук, но Уайт не обратил внимания.

Я не обиделась. Обида — непозволительная роскошь в моей профессии. Но я почувствовала другое — азарт. Желание поставить этого самоуверенного дракона на место.

— И вы уверены, — сказала я, делая шаг к нему, — что понимаете, когда у женщины происходит настоящий оргазм?

Он вскинул бровь.

— Конечно.

— Конечно, — повторила я. — Вы слышали, как она кричит? Видели, как дрожит? И решили, что это оно?

— А что же ещё?

Я улыбнулась. Той улыбкой, которую приберегала для особых случаев.

— А вы знаете, лорд Уайт, что большинство женщин симулируют? Что они кричат и стонут, чтобы мужчина поскорее кончил и оставил их в покое? Что они годами живут с партнёрами, которые ни разу не дали им настоящего удовольствия, и те даже не подозревают об этом?

Он напрягся. Я видела, как дёрнулся кадык, когда он сглотнул.

— Мои не симулировали.

— Уверены?

Он не ответил.

Я отошла от него, прошла к широкому, устойчивому, идеально подходящему для моих целей столу, который стоял у стены. Провела по нему ладонью, проверяя, нет ли заноз.

— Знаете что, — сказала я, поворачиваясь к ним. — Давайте устроим небольшую демонстрацию.

Блэк поднял голову. Уайт замер.

— Какую демонстрацию? — спросил он с подозрением.

— Вы не верите в теорию, — сказала я. — Я покажу вам практику.

Я села на стол. Край столешницы упёрся мне в бёдра, ноги ещё касались пола, но я уже приподняла юбку. Сделала я это спокойно, без кокетства, как делала это сотни раз. Сначала чуть выше щиколоток. Потом — до колен. Потом — выше.

Они смотрели. Оба.

Я развела ноги. Не широко, но достаточно, чтобы они увидели то, что было скрыто под слоями юбок и нижнего белья. Тонкая ткань панталон не скрывала очертаний.

— То, что вы видели на плакате, — сказала я, глядя на

Уайта, — вот оно. У меня. Та же анатомия. Те же точки. Те же нервные окончания.

Уайт сидел, не двигаясь. Нога на ногу. Но я видела, как побелели его костяшки — он сжимал подлокотники кресла с такой силой, что они, казалось, треснут.

Блэк смотрел иначе. Широко раскрытыми глазами, в которых не было ничего, кроме изумления и... голода.

— Смотрите внимательно, — сказала я. — Сейчас я покажу вам, что такое настоящий женский оргазм.

Я опустила руку.

Пальцы скользнули по животу, задержались на поясе панталон, потянули ткань вниз — совсем чуть-чуть, настолько, насколько было нужно. Я делала это медленно, нарочито медленно, давая им время осознать, что происходит.

Они не отводили взглядов.

Мои пальцы нашли то, что искали, с закрытыми глазами, по памяти. Я знала своё тело лучше, чем кто-либо. Знала, где нажать, где провести, где остановиться, чтобы напряжение нарастало, а не спадало.

Я начала двигаться.

Не спеша. Почти лениво. Круговые движения, о которых я говорила им на занятии, — плавные, ритмичные, сначала едва касаясь.

— Видите? — сказала я, и голос мой был ровным, хотя тело уже начинало откликаться. — Никакой спешки. Никакого давления. Женщина — как лук. Если тянуть слишком резко, тетива порвётся.

Они молчали. Я чувствовала их взгляды на своих пальцах, на своих бёдрах, на своём лице.

Я ускорилась.

Чуть-чуть. Потом ещё. Пальцы двигались быстрее, увереннее, находя тот самый ритм, который всегда приводил меня к цели. Я знала, что делаю. Я делала это для них как демонстрацию, как урок. Но тело забывало о педагогике. Тело просто хотело.

Дыхание сбилось.

Я запрокинула голову, закрыла глаза, позволяя себе на се-

кунду забыть, кто я и где я. Тепло разливалось по низу живота, поднималось выше, сжималось в тугую пружину.

— Вот, — выдохнула я. — Сейчас. Смотрите.

Пружина разжалась.

Судорога прошла по телу от пальцев ног до макушки, выгибая спину, заставляя меня вцепиться в край стола. Я замерла на мгновение, пойманная в этом столбе чистого, белого наслаждения, а потом волна накрыла меня с головой.

Я кончала. Долго, тяжело, с тихим стоном, который вырвался помимо воли. Тело била мелкая дрожь, бёдра сжимались и разжимались, пальцы продолжали двигаться, уже на автомате, выжимая из последних спазмов всё до капли.

Когда я открыла глаза, мир вокруг казался слишком ярким, слишком громким.

Я посмотрела на них сквозь прищуренные, ещё мутные от удовольствия ресницы.

Уайт сидел, вцепившись в подлокотники. Его лицо побледнело, губы приоткрылись, глаза — эти холодные серо-голубые глаза — горели. Нога, которую он закинул на но-

гу, дрожала мелкой, едва заметной дрожью.

Он был возбуждён так, как, наверное, не был никогда в жизни.

Блэк смотрел на меня, не отрываясь, и в его коричневых глазах было что-то, от чего мне стало жарко даже после только что пережитого оргазма. Он не прятал своего состояния. Он даже не пытался.

Я медленно убрала руку, поправила панталоны, одёрнула юбку. Соскочила со стола. Ноги чуть дрожали, но я устояла.

Подошла к Уайту. Встала напротив него, глядя сверху вниз.

— Ну что, — сказала я, и голос мой звучал с хрипотцой, которую я не могла скрыть. — Это похоже на то, что вы видели у ваших предыдущих женщин?

Он молчал.

— Я спросила, — тихо сказала я. — Это похоже?

— Нет, — выдавил он. Голос сел, превратился в хрип.

— Вот именно, — сказала я. — То, что вы видели раньше, игра. А это — реальность. И если вы не научитесь давать женщине вот это, — я кивнула на стол, на котором осталась вмятина от моих пальцев, — ваши жёны никогда не народят вам наследников.

Я развернулась, подошла к доске, сняла плакаты. Свернула их в тугой рулон, перевязала ремешком и убрала в дорожную сумку.

В зале стояла тишина. Такая густая, что её можно было резать ножом.

Я взяла сумку, направилась к двери.

— Госпожа Британи, — окликнул меня Блэк.

Я остановилась, не оборачиваясь.

— Да?

— Вы... — он запнулся. — Вы действительно хотите, чтобы мы это умели?

— Я хочу, чтобы вы получили то, за что заплатил ваш отец, — сказала я. — А уж захотите ли вы учиться — решать

вам.

Я вышла в коридор.

Только там, за закрытой дверью, я позволила себе прислониться к стене и выдохнуть.

Пальцы всё ещё дрожали. Низ живота ныл приятной, томной тяжестью.

Я сделала это. Я показала им.

Но почему мне кажется, что показала я не им, а себе?

Почему мне кажется, что я только что перешла черту, которую переходить не следовало?

Я посмотрела на кольцо на мизинце. Оно было на месте.

Но когда я кончала, мне показалось, что я чувствую их запахи. Острые, мужские, сводящие с ума.

Артефакт не должен был пропускать мои запахи. Но он ничего не говорил о том, что я могу чувствовать их. Вот только раньше такого не было.

Я оттолкнулась от стены и пошла в своё крыло.

Сзади, из закрытого зала, не доносилось ни звука.

Они молчали.

И это молчание говорило громче любых слов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.